

Татьяна Разумовская

СТИШУТКИ

Татьяна Разумовская

Стишутки. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411354

ISBN 9785449374721

Аннотация

Стишутки Татьяны Разумовской давно разбежались по Интернету. Иногда без ссылки на автора. Как и само придуманное ею слово «стишутка». Игра со словом, тонкое чувство чужого стиля в пародиях и подражаниях, знание древней истории, помогающее автору комически обыграть известные мифы и легенды – всё это встретит читатель в книге. Не чужда автору и современность с её реалиями, многие из которых можно воспринимать только с улыбкой, иногда горькой. Людям без чувства юмора желательно книгу не показывать.

Содержание

Наследие	6
О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ	7
...не вздохи на скамейке	7
Глоток	8
Об Адаме и его даме	9
Юридическое	10
Послание	11
Встреча	12
Об одном из праотцев	14
Трудный выбор	15
Лунное затмение	16
Любовь пауков	17
В ритме танго	18
Графское	19
Монолог Германна	20
Переписка скелетов	21
Лесбия – Горацию	23
Супружеское	25
Любовь зла	26
Из жизни сыров	28
Третий лишний	29
Нет повести печальнее на свете	30
Любовные картинки	31

Стишутки Сборник

Татьяна Разумовская

Редактор Александр Чумовицкий

Корректор Татьяна Алистратова

Иллюстратор Ambrose Chua

© Татьяна Разумовская, 2018

© Ambrose Chua, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-7472-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследие

*Было принято в моем семействе:
Если больно, страшно или плохо,
Ты не ной, не жалуйся, не охай —
Лучше первым над собой посмейся.
Если где-то дурака – тебя – надули,
Или предал друг – уж что есть горше,
Отлежись в норе, соплю утёриши
И кусая в кровь пустую дулю.
А вовне – шути, хохми, хихикай,
Выгляди последним идиотом,
Сможешь – так рифмуй свои остроты
И паяцем прослыви, хоть имя дико.
Видно, предок мой твердил веками,
Не надеясь на людскую жалость:
«Ерунда, споткнулся я о камень,
Что пред Вечностью такая малость?»*

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

...не вздохи на скамейке

Любовь – не на рулет присыпка,
Не гамма и не пятью пять,
Любовь – не жареная рыбка
(чтоб рыбку съесть и шкурку сдать).

Любовь – не на колу мочало,
Не сказки праздничный итог,
Не счастья полного начало,
Не раб, не царь, не червь, не бог.

Любовь – не шарф в промозглый холод,
Не факел, чтоб распалась мгла,
Она, скорее, – серп и молот,
Когда сойдутся два села.

Глоток

Вчера мне показалось: облака
Теплы на ощупь в куполе бездонном,
И я хлебнул парного молока
Из синего небесного бидона.
И поднял ввысь меня девятый вал,
Я на поддон Земли глядел оттуда,
Где вечный хлад, но не грозит простуда
Тому, кто облаков коктейль лакал.
И пусть я не преодолел кордона
Твоей души – сам черт там правит бал! —
Но знай, что я одну тебя алкал,
Насмешливая злая белла донна!

Об Адаме и его даме

Я Создателю отдал ребро,
чтоб мне сделал Создатель подружку,
а она – за мое же добро! —
проедает мне плешь на макушке.

Пилит утром меня и в обед,
пилит в холод и в дождь, и в жару —
видно, хочет мой прочий скелет
получить в дополненье к ребру.

Юридическое

На рассвете скучном как-то
Я в сердцах сказала Юре:
«Ты любил меня de facto,
Полюби теперь de jure!»

Послание

Ваш дух сир,
Ваш день сер,
Ваш чёрств сыр —
Без нас, сэр.
Ваш мозг сух,
Ваш зуб сгнил,
И сдох слух,
И нет сил.
Ваш пуст зрак,
Ваш влас сед,
Всех дней смак —
Лишь муть, бред...

Встреча

От летнего жара спасаясь с бульвара
в один привокзальный пивбар,
там встретился как-то с потрепанной Кларой
оглохший и спившийся Карл.

«А вспомни-ка, Клара,
как ловко украла
из брюк, из кармана
(тому двадцать лет,
ни много, ни мало!) —
любимый кларнет?»

«Кларнет я украла?
А вспомни кораллы!
Кораллы мои в два ряда!»
(Тогда я была молода...)

«А помнишь, как мы обнимались в амбаре?»
«Да, ночь обнимались, а утром – привет».
«Я, Клара, кораллы твои взял на память».
«А я, Карл, на память взяла твой кларнет!»

«И где ж он?» – «Загнала», – она пробурчала.
«Я пропил кораллы, – сказал он в ответ. —
Послушай-ка, Клара, по дружбе по старой,

найди нам на пиво хоть пару монет?»»

И в баре за кружкой, с засохшею сушкой,
у них разговоров счастливее нет,
чем то, как у Клары украл Карл кораллы,
а Клара у Карла украла кларнет.

Об одном из праотцев

Иаков, как нам всем известно,
В животноводстве был востёр,
Но в личной жизни, в койке тесной
Он вечно путал двух сестер.

Он дважды в год, в жару и выюгу
Рожал колено за коленом,
И сыновья его друг другу
И братья были и кузены.

Сижу, от страшной мысли прею,
Не находя в тревоге места,
Что все живущие евреи —
Потомки чистого инцеста.

Трудный выбор

Альцгеймер, Маразм, Паркинсон и Склероз
Влюбились без памяти, чохом, до слез,
До дрожи, до полной obsессии
В печальную деву Депрессию.

Депрессия грустно смотрела на них:
Какой же подходит ей больше иных?
Кто краше, надежней, богаче?
Кто любит сильнее, тем паче?

Металась, рыдала в страданиях сих
И выбрала девушка... всех четверых!
Забыла в момент о печали,
С тех пор мы ее не встречали.

«И что в ней нашли эти все паразиты? —
Деменция молвит Артросу с Артритом. —
Лишь ноет, да роется в мыслях тревожных —
Тоска! А со мной заскучать невозможно!»

Лунное затмение

Луна и Марс, махнувшись цветом,
Ведут полночный разговор,
Марс – серебристою монетой,
Луна – как спелый помидор.

Она зарделась от смущенья,
Он о сраженьях позабыл...
Вот так в моменты упоенья
Меняет нас любовный пыл.

И на Луну нашло затмение:
«Теперь-то выйду замуж я!»
Но всё, как кончилось знаменье,
Вернулось на круги своя.

Любовь пауков

«Любовь купить за смерть!» – как ни обидно,
Нам так слабо! – ну, разве для театра,
А рядовая паучиха – очевидно! —
Надменная царица Клеопатра.

С любовником сплестясь в порыве страстном,
Убить потом, чтоб было шито-крыто,
Из этого любому станет ясно,
Что паучиха – королева Маргарита.

Сожрать его, в объятиях сжимая,
Набито плотно брюхо, рот облизан...
И по улыбке паучихи понимаем,
Что каждая, конечно, Мона Лиза.

В ритме танго

На милонге сеньор Селестино
Увидал пышнобедрую Зину
И с горячею страстью мустанга
Он на танго ее пригласил.

Возмущенно ответила Зина:
«Посмотри на себя, образина!
Ты лохматее орангутанга,
Не терплю я подобных верзил!»

Но упрям был сеньор Селестино,
Взял он в жены капризную Зину,
Против бронзового лимузина
Устоять ну никак не смогла.

И на вилле они в Коста-Бланка
День и ночь упражняются в танго
Средь цветущих дерев апельсина
Нагишом. Вот такие дела!

Графское

Лежи, Графиня! То не дамы дело
Вставить чуть свет – и в кухню вдоль стены,
А дело дамы – холить нежно тело,
Досматривать предутренние сны.

Лежи, Графиня, утверждая этим
Лежанием законность женских прав.
Пусть скачет, чтобы делать пети-мети,
С утра пораньше твой законный Граф.

Выходит он из дому каждый будень
В жару и в дождь, и в бурю, и в метель,
Но пусть при этом Граф не позабудет
Тебе твой кофий принести в постель.

И Граф, свой шарфик замотав покрепче,
Несется вниз, считая этажи,
А губы под усами нежно шепчут:
«Лежи, мой друг Графинюшка, лежи!»

Лежи, Графиня! В жизненной юдоли
Храни свою божественную статью,
Ты женщиной останешься дотоле,
Пока умеешь грамотно лежать!

Монолог Германна

Графиня, я прошу вас, слово молвите,
Вот я стою, приблизившись к стене,
Вот я мечусь, взволнованный, по комнате,
А вы ни беса не сказали мне.

Графиня, вот я на колени падаю,
Внемлите страсти, воплю, скулежу!
Огласки не страшитесь, буду падлюю,
Но никому об этом не скажу!

Вдвоем мы с вами мир откроем заново,
Вдвоем такие натворим дела!
Графиня! Что ж хрипите как-то странно вы?
Чёрт! Померла. А карт не назвала!

До смерти мучился с тобою – годы!
А нынче – всё! – да здравствует свобода!
Смерть – это вроде вечного развода.
Чтоб я на мощи клюнул – разбежалась!
Там, чай, кусочка кожи не осталось.
Тьфу, чтоб тебя! Я аж скриплю от злости.
Смотри! придешь – пересчитаю кости!

Лесбия – Горацию (любовь в Древнем Риме)

Убери, Гораций, руки, отпусти мою ты столу,
Ишь, явился после пира
в драной тоге, на бровях!
Отправляйся восвояси, выпей гидрию* рассола,
А не то стила не сможешь
удержать потом в руках.

Ты, наверно, обезумел —
вздумал мне грозить сатирой!
Да плевала я на это, разве кто ее прочтет?
Вас, поэтов, нынче в Риме
больше, чем в лесу сатиров,
А красавиц мне подобных в наши дни наперечет.

Что касается Катулла,
он довольно миловиден
И богат: вчера прислал мне в дар красивого раба.
Да и пишет он неплохо,
хоть, конечно, не Овидий,
Но вообще любовь мужская примитивна и груба.

Разве фаллоса ляганье
я сравню с касаньем граций?

Их персты подобны струям, а уста живе́й огня!
Так что тут тебе не светит,
будь здоров, ступай, Гораций,
Там Корнелия Метелла заждалась уже меня.

* *гидрия – сосуд для жидкостей*

Супружеское

Алкоголику Сократу
Нежной ручкой, фу-ты ну-ты,
В чашу я рецины с мятой
Подолью чуток цикуты.

Все твердят, что он философ —
Ха! Я лучше знаю типа:
Нищий! Дурень стоеросов!
Пусть же сладко спит.

Ксантиппа

Любовь зла

Эклер, как увидел селедку под шубой —
Красива, богата, нежна, —
Так тут же воскликнул: «Мечта моя, любя,
Ты мне больше жизни нужна!»

Услышав призыв этот смелый,
Селедка под шубой взопрела.

«Вы слышали? – ахнули трубочки с кремом. —
Вот так развлекается нынче богема?»

«О, боже! – вздохнул потрясенный буше. —
Не знал я, что ты извращенец в душе!»

«Таких безобразий, – сказала беже, —
Не делали даже на Шанзелизе!»

Вотще! О селедке мечтая,
Эклер размягчался и таял.

Друг дружке шепнули морковь и свекла:
«Селедка влюбилась, любовь очень зла!
Их держит в разлуке условностей клеть —
О, как им препятствия преодолеть?»

А эклер и селедка в печали
Миру жалобами докучали.

И глотая отчаянья жижу,
Пели, страстью тревожа посуду:
«Я тебя никогда не увижу!
Я тебя никогда не забуду!»

Но фатум, смягчившись, помог их беде,
Устроив свидание им в животе.

Из жизни сыров

Бри увидел Данублю
И сказал: «Я вас люблю!

Вы нежны и в меру стары,
Мы чудесной станем парой!»

Данаблю как фырнет: «Фу!
Залежались вы в шкафу.

Где же голубая плесень?
Без нее поклонник пресен.

Вам ли лезть ко мне в фавор?
И кумир мой – сыр Рокфор!»

Третий лишний

Говорил печально веник:

– Стал я чистый неврастеник,
днем и ночью, я не вру,
всё тоскую по ковру!

Отвечал ему ковер:

– Экий глупый ты старпёр!
Нынче юный пылесос
целовал меня взасос!

Нет повести печальнее на свете

– Не слишком ли много крови?

– Не больше, чем у Шекспира, душенька!

Я любил у донны Риты
Очи, выю и ланиты,
Кисти, пальцы и запястья
Изучал я, полный страсти,
Плечи, спину и лопатки,
Ягодицы были сладки,
Бедра, лядвии, лодыжки
Повторял, как пастор книжку,
Икры, щиколотки, стопы
Были Меккой и Европой,
Каждый ноготь и фалангу
Я обследовал по рангу,
Мочки, перси и ключицы...
Был готов всю жизнь учиться,
Но вскричала донна Рита:
«Ай-ай-ай! – опять москиты!»
Хлоп! – и сделалось темно.
Тишь. Кровавое пятно.

Любовные картинки

Вот влюбленная Медея
Гостю говорит, краснея:
«Ради вас я, не жалея,
Позабуду отчий дом!»
Отвечал Язон: «Мерси вам!
Хоть, царевна, вы красивы,
Я забыл презервативы,
И приехал – за руном».

Вот милашка Дездемона,
Хороша, как Лиза Монна,
И подобного трезвона
Не заслуживал платок.
Право, было б большим благом
Ей отдаться гаду Яго,
Но тогда бы эту сагу
Изложить Шекспир не смог.

Вот красотка Беатриче,
Не имея воли личной,
Подчиненная приличьям,
Без любви вступила в брак.
Но добравшийся до Рая

Данте, через Ад шагая,
Обернулся, уповая,
Что исчезнет – не дурак!

Вот знакомая картина:
Расчудесною Мальвиной,
Что тиранит Буратино,
Увлечен поэт Пьеро.
Но ему любовь не светит —
Артемон ей на рассвете
Туш играет на кларнете,
А Пьеро попал в «зеро».

От красавчика Тезея
Ариадна, в дым шизея,
Минотавра-ротозея
Помогла прижать к ногтю,
А Тезей, удачу славя,
Девой овладел в дубраве
И на Наксосу оставил,
Парус поднял – и тю-тю.

Федра, страстию разбита,
Домогалась Ипполита,
(Не случилось Айболита,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.